

1. Модернизация и справедливость: два архетипических сюжета

Младшие боги древнего Шумера изнывали от тяжелой работы. Тогда они обратились к старшим богам с настойчивой просьбой облегчить их труд. Энки и Нинхурсаг в ответ на эту просьбу создали существо, похожее на богов, но гораздо менее совершенное. Оно было пригодно для самой разнообразной работы. Так появился человек. Затем боги научили его разнообразным наукам и искусствам, дали инструменты, домашних животных, письменность, представление о государстве и т.д., и т.п. И хотя человек был первоначально создан исключительно для работы на богов, вместе с чисто техническими знаниями и навыками он получил многое из того, что позволило создать культуру и цивилизацию, то есть сделало его собственно человеком. Характерно, что боги не заставляли его делать ничего такого, чего бы не делали сами.

Это первый архетипический сюжет, с тех пор много раз повторявшийся в человеческой истории.

А вот другой сюжет.

Олимпийским богам после утверждения власти «тирана» Зевса некоторое время судьба людей была безразлична, и те жили в дикости, не имея возможности даже согреться у костра. Однако титан Прометей похитил для людей небесный огонь, а также научил их ремеслам, искусствам и наукам. За это он был наказан, хотя считалось, что позже боги смягчились как по отношению к человеку, так и по отношению к Прометею.

Несмотря на все различие двух этих архетипических для человеческой культуры сюжетов, они, в сущности, об одном — о возникновении понятия справедливости из процесса «модернизации».

Если изложить шумерский сюжет в современных терминах, то получится следующая картина. Существует некое высокоразвитое в научном и техническом плане сообщество богов. Тем не менее значительная часть этого сообщества вынуждена заниматься тяжелым трудом, что отрицательно сказывается на здоровье и моральном состоянии занятых. При этом всем членам сообщества известно, что существующий научно-технический уровень достаточно высок для того, чтобы устранить данную проблему. Иначе бы младшие боги не были так настойчивы в своих требованиях к старшим. И действительно, проблема решается с помощью биотехнологии, путем создания «биоробота» — человека.

Причем проблема решается последовательно. Если сам человек и является лишь средством в руках богов, своего рода разумной маши-

ной, ему вследствие разумности и прочих качеств, роднящих его с богами, даются многочисленные технологии, которыми он может овладеть, и которые призваны облегчить уже его труд. Причем это не только чисто хозяйственные технологии, но и социальные, составляющие в совокупности цивилизацию и культуру.

Мораль этого архетипического сюжета такова: богу или человеку — всем нужно воздавать должное. Должное — это то, что способно расширить в данный момент твои возможности и решить твои проблемы. В узком смысле, в первом приближении — это технические достижения и наука. В более широком смысле — это возникающий благодаря соответствующему развитию науки и техники уровень культуры и цивилизации. Человек появился в результате решения богами своих социальных проблем с помощью технических средств, в рамках их, богов, культуры и цивилизации. Но в дальнейшем и человеку тоже не остается ничего иного, как решать свои социальные проблемы такими же техническими (в том числе и социально-техническими) средствами.

В этом заключается источник понятия справедливости. Справедливость содержится в таком решении возникающих проблем, которое расширяет возможности наибольшего числа людей — *всегда, как только появляются для этого технические, научные или культурные предпосылки*. Переводя это понимание справедливости на язык позднейших времен, мы получаем, к примеру, Марксов тезис о противоречии между производительными силами и производственными отношениями, которое лежит в основании социальной несправедливости. Или утилитаристский принцип наибольшего счастья для наибольшего числа людей. Так или иначе, в древнейшей из известных человеческих культур дискурс справедливости непосредственно вырастает из дискурса «модернизации».

С этой точки зрения история Прометея — явное отклонение.

Прометей вынужден действовать *нелегально*, как похититель, принося людям огонь и обучая их разным умениям и «технологиям», в то время как в большинстве древнейших религий боги сами научили людей всему этому, не говоря уже о такой мелочи, как пользование огнем. В таком свете действия Прометея представляются не только актом милосердия и восстания против жестокой тирании, но актом некоей базовой, самоочевидной справедливости. Зевс потому и считается в этом эпизоде античной мифологии тираном, что не воздаст должное — на сей раз людям. Он отказывает людям не в том, благодаря чему они могли бы уравниваться с богами. В конце концов, и боги других народов не поощряли, к примеру, стремления овладеть тайной бессмертия: история Гильгамеша повторяется неоднократно. Наделение людей навыка-

ми цивилизованной жизни нисколько не могло умалить могущества богов: это ничего у них не отнимало в пользу людей. Прометей научил людей «технологиям», до которых они однозначно «доросли», которыми они могли бы пользоваться без видимых ограничений, что и доказала последующая история.

Таким образом, может показаться, что Прометей «восстановил» некую нарушенную базовую справедливость, вернул утраченный статус-кво. Однако такого статус-кво раньше просто не существовало: боги жили сами по себе, люди, в дикости — сами по себе. Поэтому то, что в шумерской мифологии было введением некоего незыблемого порядка мироздания, в мифологии античной стало революционным введением принципа справедливости как принципа увеличения возможностей для наибольшего числа тех, кто ими может воспользоваться. Но будучи признанным «свыше», то есть со стороны греческих богов, это понятие справедливости стало в значительной мере статичным. Люди получили, пусть и нелегально, некоторую долю знаний богов, но за это заплатили тем, что попали к богам в подчинение. Судьбоносная «модернизация», которой не смогли воспрепятствовать даже боги, породила новый порядок в лице «космоса» и «полиса». И революционер Прометей, и его оппоненты в итоге оказались в плену диалектики господства и подчинения. В новом порядке космоса и полиса понятие справедливости стало абстрактным следованием отчасти богами, а отчасти самим мирозданием, судьбой установленным правилам. Справедливым в обыденном сознании, как это следует из платоновских диалогов, стало воздание всем должного.

Это породило многочисленные статические теории справедливости, в которых понятие справедливости было уже не непосредственным следствием дискурса невиданной «модернизации», осуществленной некогда богами (или вопреки их воле). Они были ориентированы не на реформу и революцию, а на консервацию существующих отношений, на распределение уже существующих социальных благ, на изменение личного или группового положения внутри статичного социального порядка. Уже в классический период Античности в споре сталкиваются лишь разновидности статических теорий справедливости: таков, например, знаменитый спор Сократа с Фрасимахом¹.

Это положение сохраняется вплоть до Нового времени, когда активизировавшийся научно-технический прогресс начинает стремительно расширять человеческие возможности и ломать статические теории справедливости Средневековья: рыцари всех защищают, духовенство за всех молится, а крестьяне за всех пашут.

¹ См.: *Платон. Государство* // Собр. соч. В 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3 (1). С. 327–354.

Возникающий в процессе этого слома динамический дискурс справедливости имеет своим результатом те типы политических или философско-религиозных дискурсов, которые ориентированы на практики, создающие новые, более широкие возможности (даже если они уже и не напрямую связаны с новыми достижениями прогресса). Динамические теории справедливости подразумевают также новые представления о степени свободы, доступной теперь *большему, чем прежде, числу людей*. Революционный дискурс справедливости, часто связанный с социалистической утопией, всегда рисует картину будущего общества, в котором только-только появившиеся достижения научно-технического прогресса преобразят всю жизнь людей и будут доступны всем.

Вследствие заката Модерна, динамический дискурс справедливости был отодвинут на задний план вновь возобладавшими статическими теориями справедливости, подобных, например, популярной теории Д. Ролза, исходным моментом которой является абстракция о некоем извлеченном из реалий общества человеке, который, не имея представления о своем действительном положении в нем, должен придумать максимально эгалитарные правила поведения, дающие любому на его месте наибольшие возможности: «Каждое лицо (*person*), принимающее участие в какой-либо практике, или находящееся в сфере ее воздействия, имеет равное право на наиболее обширную свободу, совместимую с такой же свободой для всех остальных; и, во-вторых, неравенство допустимо только в том случае, если разумно ожидать, что оно будет выгодно для всех, и при условии, что то общественное положение и те должности, с которыми оно связано или из которых оно вытекает, являются доступными для всех»¹.

Такое положение не кажется удивительным. В настоящее время благами доступа к новым технологиям не может воспользоваться большинство населения планеты, хотя с их помощью можно было бы решить или облегчить огромное количество проблем современности — начиная от голода и заканчивая истощением невозполнимых природных ресурсов. Парадоксально, но цивилизация, в основании которой лежит миф об изобретателе «справедливости возможностей» Прометее, сейчас больше похожа на его противника — «тирана» Зевса, которому люди, похоже, были просто не нужны. Гораздо легче и проще, как иронически утверждала С. Джордж в «Докладе Лугано»², просто избавиться от лишнего населения и не обременять себя заботой о соблюдении столь дорогостоящей справедливости.

¹ Ролз Д. Справедливость как честность // Логос. 2006. № 3. С. 36.

² См.: Джордж С. Доклад Лугано. О сохранении капитализма в XXI веке. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005. С. 264–265.